

6. Акімачкіна, Р. В. Вызваленне / Р. В. Акімачкіна // Памяць : Гісторыка-дакументальная хроніка Пінскага раёна. – Мн. : БЕЛТА, 2003. – С. 294.
7. Курсаў, В. Вызваленне// Памяць: Гіст. - дакум. хроніка Пінска. – Мн.: БЕЛТА, 1998. – С. 296–298.
8. Освобождение Пинска 14 июля 1944 года [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www/pinsk-history.ru/87-istoria-pinska/history-city/333> – Дата доступа: 24.06.2025.

С. А. Елизаров

БЕЛОРУССКИЙ ПРОЕКТ ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ 1921 ГОДА: ПЕРВАЯ ПОПЫТКА РАСШИРЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ССРБ

Сложившееся в дореволюционной России административно-территориальное деление совершенно не учитывало экономические изменения, проходившие в стране в связи с развитием капитализма в промышленности, крупнейшим в мире железнодорожным строительством, повышением товарности и углублением специализации сельского хозяйства. Оно оставалось прежде всего административно-полицейским и фискальным инструментом в руках властей.

Стремление изменить сами принципы формирования административно-территориального деления, привести его в соответствие с новыми реалиями прослеживается с первых дней власти большевиков. В декабре 1919 г. УП Съезд Советов РСФСР поручил ВЦИК разработать вопрос о новом административно-хозяйственном делении Советской России с целью перехода от собственно административно-политического деления к делению, основанному на системе объективно существовавших экономических районах [1, с. 221]. Известный план ГОЭЛРО (1920 г.) положил начало практической реализации этой идеи и представлял собой попытку составления перспективного хозяйственного плана на основе принципов энергетического районирования, в дальнейшем сыгравших решающую роль в дальнейших работах по экономическому районированию [2, с. 10].

В соответствии с планом первоначально выделялось 8 экономических районов, которые создавались без учета существовавших национально-государственных границ: Северный, Центрально-Промышленный, Южный, Приволжский, Уральский, Кавказский, Западно-Сибирский, Туркестанский. Было решено не выделять особого Западного района («западная прифронтовая полоса Европейской России»), а входившие в него губернии распределить между Северным (Витебскую губернию) и Центрально-Промышленным (Могилевскую, Смоленскую, Минскую).

Первоначально проблемы экономического районирования рассматривались без учета национальных моментов. В частности, план ГОЭЛРО строился только на основе экономических принципов. Однако уже созданная в феврале 1920 г. Административная комиссия ВЦИК среди базовых признаков при составлении проекта экономического районирования выделила «национальный состав населения». Дальнейшая разработка этой проблемы проводилась комиссией ВЦИК и Комиссией по районированию Госплана. Обе комиссии уже признавали необходимость учета национального фактора, но в разной степени. Позиция Госплана отражала популярные в то время идеи «автономизации», причем с выраженным уклоном в сторону «культурно-национальной автономии». А для руководителя госплановской комиссии И. Г. Александра первостепенное значение имел принцип «целесообразного разделения государства... на основе рационально-экономической, а не на пережитках утраченных суверенных прав» [2, с. 72, 76, 90].

После заключения Рижского договора (март 1921 г.), завершения военных действий и определения советско-польской границы московским руководством было признана целесообразность образования особого экономического района – Западной области – из ССРБ, Смоленской, Витебской и Гомельской губерний. 11 июня 1921 г. на заседании Центрального

Бюро (ЦБ) Компартии Белоруссии обсуждалось сообщение Председателя ЦИК и СНК ССРБ А. Г. Червякова «Об областном экономическом совещании» [3, л. 72–73]. А. Г. Червяков сообщил о прошедшем совещании по вопросу образования экономического района, на котором присутствовали представители ССРБ, Смоленской, Витебской и Гомельской губерний.

На заседании ЦБ КПБ против образования особого экономического района возражений не было. Остро встал вопрос о центре новой экономической области – Минске, Смоленск или Витебск. Секретарь ЦБ В.Г. Кнорин вполне приемлемым считал вариант с центром в Смоленске, резко отрицательно против этого выступил член ЦИК ССРБ, председатель Совета профсоюзов Белоруссии Ш. Ш. Ходош («если центр не будет в Минске, то мы потеряем власть»). Председатель СНХ Белоруссии А. И. Вайнштейн предложил «от организации экономического центра нужно пока воздержаться», его позицию поддержал и А. Г. Червяков. В результате ЦБ КПБ приняло решение – вопрос «о создании областного экономического центра оставить вопрос открытым».

К концу июля 1921 г. отношение к проблеме центра Западной области в руководстве ССРБ определяется вполне четко. На заседании ЦБ КПБ А. Г. Червяков сообщил, что вопрос об экономическом совещании в Минске в Совете Труда и Оборона (СТО) РСФСР по вопросу образования Западной области уже решен окончательно и что на совещании главное расхождение предполагается по вопросу об областном центре. Накануне этого совещания необходимо было ясно определить позицию ССРБ, которую и должны были отстаивать белорусские представители на минском совещании. ЦБ КПБ эту позицию определил так: «Настаивать на Областном Экономическом Совещании на том, чтобы центр его был в Минске» [3, л. 94].

В начале августа 1921 г. на совещание в Минск приехали 3 представителя от Смоленской губернии, 2 – от Витебской и представитель СТО. Однако вместо совещания состоялись лишь частные беседы с приехавшими представителями, которые выявили различие позиций. Представитель СТО привез вариант образования Западной области из Витебской, Гомельской, Брянской и Смоленской губерний, предоставив ССРБ право самой решать вопрос – присоединяться к этой области или существовать «самостоятельно в качестве отдельной самостоятельной области». Смоленские делеаты доказывали целесообразность вхождения Смоленской губернии в Московское областное объединение или, в крайнем случае соглашались на образование Западной области из Смоленской, Витебской и Гомельской губерний и ССРБ, но с обязательным центром в Смоленске. Витебчане вообще выступили «принципиально против областного объединения», но в случае распоряжения из Москвы предпочитали бы войти в Петроградскую промышленную область [3, л. 97].

Итоги этих частных переговоров и определение линии поведения ССРБ в вопросе Западной области обсуждались на заседании ЦБ КПБ 3 августа 1921 г. Рассматривалось два предложения А.Г. Червякова. Первое – послать делегацию в СТО «с требованием немедленной организации Областного объединения и настаивать на то, чтобы центр его был в Минске ввиду необоснованности мотивировок тт. из Смоленска и Витебска». Второе – оставить вопрос открытым до нового совещания в октябре 1921 г. Было принято решение направить в Москву делегацию во главе с председателем СНХ ССРБ А.И. Вайнштейном для решения вопроса в русле первого предложения, а в случае неудачи – просить отложить решение до октября 1921 г. [3, л. 97].

СНХ ССРБ подготовил докладную записку в СТО (впоследствии в доработанном виде она была опубликована в сентябре 1921 г. в «Известиях ЦБ КПБ» под названием «Экономическое объединение губерний, входивших ранее в состав Западной области») [4, л. 15–22]. Воспользовавшись тем, что СТО оставило за ССРБ свободу действий вплоть до существования в качестве отдельной экономической области, в записке был предложен свой, белорусский вариант – создать Западную область как «одну хозяйственно–экономическую область с центром в Минске» в составе ССРБ, Витебской и Гомельской области, а также Мстиславского, Красненского и Поречского уездов Смоленской губернии.

Анализ этого документа свидетельствует, что он был составлен на основе методики экономического районирования, разработанной и применявшейся Комиссией по районированию

Наркомзема РСФСР. По этой методике основными экономическими признаками крупных районов (областей) служили: климат; почва; распределение земель по угодьям; плотность населения; процент промыслового населения; количество десятин посева на одно хозяйство и на 100 душ; средства восстановления естественного плодородия почвы; пропорция культур; рабочее животноводство; интенсивное животноводство; экстенсивное животноводство [2, с. 68].

Материал был распределен по 16 группам для более четкого доказательства единства территорий «минского» варианта Западной области. Особый упор делался на единство природных условий, земледельческий характер территории, характер форм землепользования, пограничную политику и др.

В итоге делался вывод, что ССРБ и территории Гомельской, Витебской и части Смоленской губерний «составляли единый хозяйственно-экономический организм, отличный от соседних областей, а потому требующий соответственного руководства экономической жизнью и приспособление экономических органов к нуждам, потребностям и особенностям данного края».

С этим материалом делегация ССРБ посетила в августе 1921 г. Москву. Делегация присутствовала на заседании СТО, где по повестке должен был обсуждаться вопрос об образовании Западной области. Однако это обсуждение не состоялось по формальной причине: предварительно этот вопрос не был рассмотрен, как полагалось по регламенту, Госпланом РСФСР. Делегация посетила заседание комиссии Госплана, на котором был заслушан доклад С. Л. Гельтмана (зам. председателя СНК Белоруссии), который по словам Вайнштейна, «произвел хорошее впечатление на Комиссию и последняя признала довод делегации обоснованным и передала дело в Президиум Госплана». Особая докладная записка, содержащая «политические соображения» необходимости расположения центра Западной области в Минске, была подана председателю Президиума Госплана Г. М. Кржижановскому. Что это были за «политические соображения» – по тексту протокола трудно определить, но, вероятнее всего, они были в русле курса руководства ССРБ на политическое расширение территории республики. Реакция Г. М. Кржижановского была обнадеживающая – он (по словам Вайнштейна) «признал эти соображения важными и считал необходимым познакомить с ними товарища Ленина». Состоялась беседа делегации и в Орготделе ЦК РКП(б) с В. Молотовым по вопросу перспектив партийно-организационных (организация областного партийного центра) [3, л. 114].

Тем не менее, несмотря на определенное понимание, делегация нигде открытой поддержки своего варианта Западной области не получила, а руководители Наркомата продовольствия и Наркомата труда РСФСР открыто выступили против него. В связи с этим ЦБ КПБ приняло решение готовить новое совещание на октябрь 1921 г. и на нем проводить свой вариант [3, л. 114].

Однако в октябре 1921 г. на V съезде КПБ (X партконференции КПБ) – формально высшей республиканской партийной инстанции – не только не обсуждался вопрос о расширении ССРБ, но даже не ставился вопрос о белорусском варианте Западной области. Видимо, руководство ССРБ еще не решалось в условиях крайне неопределенных перспектив экономического районирования РСФСР заострять этот вопрос на таком уровне, оставляя за собой возможности маневрирования. Съезд по вопросу Западной области принял отдельный пункт в резолюции «Экономическое положение Белоруссии и новая экономическая политика», в котором в общих выражениях поддерживалась идея создания «западной хозяйственной области», а ее возможный состав определялся также довольно в общем виде – Белоруссия с «родственными по хозяйству и социальному укладу губерниями» [5, с. 93].

Очередное совещание по вопросу образования Западной области состоялось 29 октября 1921 г. В этот же день, перед началом работы совещания, на заседании ЦБ КПБ еще раз была подтверждена позиция руководства ССРБ по вопросу Западной области – настаивать на белорусском варианте областного объединения. На совещание прибыли представители Витебской и Гомельской губерний. Белорусская делегация отстаивала свой вариант, но реальных результатов совещание вновь не принесло [6, с. 94].

Заметно, что в белорусском проекте Западной области 1921 г. отсутствовали ссылки на этнический фактор. Вероятно, это было связано с противоречиями в руководстве ССРБ относительно «белорусского вопроса», необходимостью учета экономической детерминированности мышления значительной части московского руководства, а также противоречивостью результатов переписей населения 1897 и 1920 гг. относительно национального состава Гомельской, Витебской и Смоленской губерний. Однако можно твердо утверждать, что целью национал-коммунистической части белорусских руководителей было политическое объединение как можно больше этнических белорусских территорий в границах Советской Белоруссии. Видный белорусский политический деятель того периода, ученый-историк В. М. Игнатовский в 1924 г. оценил эти усилия таким образом: «Постановка ЦБ КП(б)Б вопроса об образовании Западной области, сконцентрированной вокруг столицы Белоруссии Минска, имела важное значение не только с экономической, но и политической стороны. Это были первые шаги по пути образования расширенной Белоруссии, что вызывалось реальными условиями жизни как экономической, так и политической» [7, с. 234].

Список использованных источников и литературы

1. История Советской конституции (в документах) 1917–1956 / сост.: А. А. Липатов [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1957. – 1046 с.
2. Вопросы экономического районирования СССР: сб. материалов и статей (1917–1929 гг.) / под ред. Г. М. Кржижановского. – Москва : Госполитиздат, 1957. – 343 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (Далее : НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 425.
4. НАРБ. – Ф. 31. Оп. 1. Д. 23а.
5. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов : в 6 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма ленинизма при ЦК КПСС. – Мн. : Беларусь, 1983–1987. – Т. 1 : 1918–1927. – 1983. – 527 с.
6. Краткий отчет Госплана / Гос. Плановая Комиссия при СТО; под ред. В. П. Глебова. – М. : Ред.-изд. отдел Гос. Общеплановой Комиссии при СТО, 1924. – 242 с.
7. Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху / пад агул. рэд. А. Сташэўскага, З Жылуновіча і У. Ігнатоўскага. – Мн. : Выд. ЦВК БССР, 1924. – 322 с.

Е. П. Ермолович

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ИНСТИТУТ СЕМЬИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

В современном мире политика памяти превратилась в стратегический ресурс формирования национальной идентичности и консолидации общества вокруг ключевых государственных ценностей. Для Республики Беларусь, находящейся в условиях сложных геополитических процессов, конструирование единого исторического нарратива является задачей первостепенной важности. Особенностью белорусской модели является тесная интеграция политики памяти с укреплением социально-политического института семьи, что превращает последний не только в объект социальной поддержки, но и в активного агента идеологического воспроизводства.

Политику памяти как компонент государственной политики следует рассматривать как систематическую и целенаправленную деятельность государства, направленную на формирование официальной версии национальной истории, ее распространение и институциональное закрепление в общественном сознании в качестве доминирующей интерпретации с учетом обратной связи. В условиях трансформации информационного пространства современных обществ, характеризующегося растущей открытостью, взаимозависимостью и многообразием источников информации, национальные государства сталкиваются с необходимостью защиты